

Ольга ВОЛКОВА,

народная артистка России

Лит. газета, - 1998, - 28 окт. - с. 14

Если бы моя личная женская судьба сложилась по-другому — у меня было бы не двое детей, а по крайней мере трое или четверо. Если бы мама подольше пожила. Если бы были условия. Я считаю, у актрисы должны быть дети. Их отсутствие иссушает душу. Ведь артисты творят нервными клетками. Организм должен пережить стресс, обновиться. Чувство материнства невероятным образом помогает. Это тот опыт, который делает актрису богаче, тоньше. Многие считают, что служение театру должно быть стерильным, что артист живет только во имя искусства. Я такого искусства сейчас не вижу. И вообще для меня есть понятие театра и понятие жизни. Одно не исключает другого. Я человек в работе запойный, умею забываться на сцене. Но только когда знаю, что тылы обеспечены.

Проблемы актерских детей связаны с тем, что у них перверну́та шкала жизненных цен-

ностей. Рождаясь, они попадают в элитарный круг общения, в атмосферу вечного праздника. (Я говорю, конечно же, не о бытовых проблемах.) Это порождает детскую фанатерию, завышенные притязания. Надо иметь огромное мужество, чтобы начинать жить вопреки, торными путями болезненно пробиваться к собственной “театральной кочегарке”. Мой младший сын Ваня избрал именно такой путь. С небольшой компанией он сделал спектакль “Пчеловоды” по Брейгелю, его увлекает невербальный театр, комедия дель арте. Мы с ним много спорим. Строить свой театр без денег, без серьёзной базы — это утопический вариант. А ведь он муж, должен зарабатывать деньги. Возникают “ножницы” между реальностью и ответственностью за свой талант, за то, что дано Богом.

У его жены Чулпан Хаматовой — другие проблемы. Сейчас она снимается в четвёртой по счёту картине, играет в четырех спектаклях. Кстати, в одном из них — спектакле Театра Антона

Чехова — мы играем втроем с Ваней и Чулпан, и играем с наслаждением. Возвращаясь к моей невестке, могу констатировать: она играет не просто много, а чрезмерно много. Я пытаюсь ей объяснить, что нужно экономить энергию. Даже если есть молодой рывок и творческий голод. Я-то хорошо знаю, что ресурсы артиста безграничны. Их надо черпать с осторожностью. Но я и завидую ей. Она может заниматься только театром и кинематографом. Не нужно думать о куске хлеба, дети по лавкам не сидят. Нет больных стариков на руках. Работай!

Недавно одна моя приятельница мне пеняла: почему это в интеллигентных семьях, как правило, дом запущенный, дети распушенные, без чувства ответственности. В обычных семьях норма — помогать по дому, вымыть посуду. А у нас “духовное” на первом плане. Нет режима. Нет

понятия праздника, субботы, воскресенья. Нет того “абажура”, по которому я с детства тосковала, под которым семья собирается вместе. Всю жизнь я

старалась бороться за этот “абажур”. Когда уезжала на съемки, на гастроли, оплачивала услуги помощниц, чтобы в квартире было чисто, чтобы всегда была

Из семейного архива

горячая похлебка, чтобы не было ужаса безалаберного дома. Эту вахту я и сегодня стараюсь нести. Чем сильно балую молодых.

Я очень люблю детей, своих внуков, которые вместе с моей старшей дочерью Катей живут в Ленинграде. К сожалению, я плохая бабушка. Все, что я могу, — помочь им материально. Душа тоскует постоянно. Двоих детей я подняла, но на внуков меня не хватило. Что такое бабушка, они знают по телевизору. А ведь как важно в детстве знать, что есть уютная, большая, толстая бабушка, к которой можно сесть на колени, уткнуться в нее, как в подушку, послушать ее сказочку. Если бы был у меня огромный дом, в котором можно было жить всем вместе. Но это только мечта.

Прожить жизнь только артисткой, не зная забот, — большая роскошь. Но вот недавно Слава Полунин пригласил меня поработать вместе в его спектакле. У меня появился шанс остаться с ним за границей, гастролить по всему свету. Казалось — вот оно, сбылось то, о чем я мечтала всю жизнь! И тут я поняла, что без своего дома я жить не могу.